

И.М. Цибизова

**ФИЛОСОФСКАЯ СИМВОЛИКА В СОВРЕМЕННОЙ
ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ. ЧАСТЬ 2**

*Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Россия, itsibizova@mail.ru*

Статья посвящена философским проблемам символа и знака, их роли в молодежной и детской литературе. Используя концепции таких известных мыслителей, как К.Г. Юнг, М. Хайдеггер и У. Эко, в отношении понятий *читатель / текст*, автор пытается показать, насколько важны символы для воспитания (*пайдейя*) молодых читателей как основной цели образования, а также для развития их дальнейшей креативности, гуманности, доброты и других не менее важных качеств. С этой целью автор анализирует произведения К.М. Гайте, С. Гандолфи, Э. Файна, Ю. Эво, М. Парр с их простыми, но впечатляющими и незабываемыми символами – Статуей Свободы, Красной Шапочкой, Солнцем, Сердцем и Черепахой.

Ключевые слова: символ в художественном произведении; семиотика; взаимодействие читатель – текст; знак; образ; Юнг К.Г.; Эко У.; детская литература, пайдейя.

Поступила: 29.03.2017

Принята к печати: 07.04.2017

I.M. Zibizova

Philosophical Symbolics in Modern Children's Literature. Part 2

*Institute of scientific information for social sciences
of Russian academy of sciences
Moscow, Russia, itsibizova@mail.ru*

The article deals with the philosophic problems of symbol, sign and their role in literature for youth and children. Using the concepts of prominent thinkers, C.G. Jung, M. Heidegger and U. Eco among others, for example the concept reader / text, the author tries to show how important are the symbols for young readers and for their Paideia as the main aim of education, how they further creativity, humanity, kindness and other important qualities. For this purpose author analysis several books of fiction

authors from many countries of the world С.М. Gaite, S. Gandolfi, A. Fine, U. Evo, M. Parr with their easy but impressive and memorable symbols – the Statue of Liberty, Little Riding Hood, Sun, Heart and Tortoise.

Keywords: archetype; literature for youth and children; Paideia; philosophy; reader-text; semiotic; sign; symbol; Yung C.G.; Eco U.

Received: 29.03.2017

Accepted: 07.04.2017

Символика «Класса коррекции» Екатерины Мурашовой подается читателю в очень сильном авторском преломлении. И на это, бесспорно, есть свои причины. Главный герой этой потрясающей до основания повести, Антон Камолов, учится в «маленьком Гарлеме», седьмом классе «Е» престижной гимназии, разделение на классы в которой как зеркало отражает ситуацию в обществе, «разделение “на классы” нашего мира». На бедных и богатых. Удачливых и неудачников. Умных и глупых [Мурашова, 2007, с. 124]. В гимназических классах «А» и «Б» учатся благополучные детки из состоятельных семей, в обычных классах «В» и «Г» – те, кто попроще. В классе «Д» собрана шпана, которой в ближайшем будущем предстоит пополнить ряды преступных элементов, а класс «Е» – для детей-инвалидов с отклонениями в развитии. Учителя, кроме нового географа с замашками «буйнопомешанного буревестника» [Мурашова, 2007, с. 92], не только смирились с подобным кастовым делением, но и свято охраняют его. Только так, по их мнению, можно дать приличное образование в гимназических классах. А спонсоры не захотят, чтобы их отпрыски учились в одном классе с «отбросами», браком. Самое страшное, что сами дети, пускай в душе и не смирились, принимают подобное положение вещей. «Дэшки» называют себя «долбанутыми», а про самоназвание тех немногих, кто способен нормально соображать, в классе «Е» и говорить неприлично [там же]. Там учатся здоровяк Пашка с кулаками, которых боится вся школа, и уровнем развития пятилетнего ребенка; Митька, не способный связать и двух слов, чья мать может уйти в загул, бросив его с многочисленными братьями и сестрами на произвол судьбы и заботу подруги Витьки, Виктории Слуцкой, которую родная сестра после замужества выгнала из дома; красавица Стеша, получившая психическую травму, просидев три дня в тумбочке, когда родители после развода делили ее. Нормальной семьи нет ни у кого из «ешек», кроме новичка Юры Малькова, страдающего детским церебральным параличом. Неда-

ром Антон Камолов в раннем детстве представлял себе благополучных родителей, которые будут любить его. Пока не разучился мечтать. И никто не обращает внимания на то, что все они остаются живыми, чувствующими детьми.

Символы повести знакомы и близки всем мальчишкам, но в каком преломлении они предстают, трансформируясь в мировосприятии Антона? Какой ребенок не мечтает о параллельном измерении или волшебной стране? Тем более что в этой стране исполняются самые заветные желания: Юрка нормально ходит, практически слепой Мишаня все видит, у Пашки и Витьки появляется любящая мама. А Антон, способный по уровню развития дать фору многим гимназистам, боится туда попадать. Слишком хорошо знаком ему собственный диагноз, о котором он любит распространяться. Мальчик страдает невротическими припадками, не поддающимися излечению. Или не поддающимися излечению в рамках бесплатной медицины, ведь водить его по платным врачам задавленная работой мать не в состоянии. В волшебной стране из-за его присутствия начинается невероятный кавардак:

«...из трубы вылетел полубоципаный петух и, тяжело хлопая крыльями, полетел к лесу, Сорока истерически завизжала и съехала с крыши на заднице, как с ледяной горки. На крыльцо выбежала веснушчатая девица с корытом, ухватками похожая на мужика с картиной, и выплеснула на траву что-то темно-фиолетовое и явно горячее. На земле варево зашипело, и от него в разные стороны начали разбегаться какие-то штуки, похожие на крупных жуков» [там же, с. 58].

Внутри этого символа – волшебной страны – появляются другие символы: замок, от которого веет чем-то мрачным, меч Артура, который герой отказывается вытаскивать, осознавая, какими последствиями это может грозить, и заколдованная принцесса, почему-то точь-в-точь похожая на одноклассницу Стешу. Все в соответствии со взглядом на мир из «Гарлема» тесной комнатухи коммуналки и седьмого «Е». Правда, меч Артура герою еще предстоит вытаскать, но не в параллельном измерении, а в реальной жизни, когда он возглавит операцию по спасению Стешы из рук собравшихся позабавиться с ней подонков, с которыми никто не решается связываться. Ведь отец одного из них, гордости школы, Артема, – «большая шишка в городе». «Не бандит как бы, наоборот – власть» [там же, с. 163]. В этой операции будет участвовать и

первоклассник-«ашка», Вадик, сын «нового русского», тем не менее отказывавшийся признавать деление детей на благополучных и изгоев, нормальных и бракованных. Вероятно, потому что он сохранил в себе дар милосердия, которым, как ни парадоксально, оказались наделенными обделенные дети класса коррекции.

Не каждый из родителей отважится дать в руки собственному ребенку такую тяжелую, пронзительную книгу. Однако те, кто отважатся на это, совершат великий Акт воспитания. Ребенку необходимо открывать глаза на острейшие общественные проблемы, решить которые пока можно – увы! – лишь в параллельном измерении, волшебной стране. Изломанные, искореженные символы этой повести, царапая душу, глубоко западают в подсознание. Они будят способность к состраданию, способны сделать чище и добрее. Пускай не весь мир – эта грандиозная задача из области утопий, – но отдельных его представителей, в которых еще можно пробудить, воспитать, развить милосердие и сострадание, о которых ныне в обществе и говорить считается неприличным. Дурной, мол, это тон!

Молодая норвежская детская писательница Мария Парр, единодушно названная критиками новой Астрид Линдгрэн, в 2005 г. буквально ворвалась в литературу, щедро предложив читателям один из самых понятных, доступных, гуманных, универсальных, общечеловеческих и вместе с тем глубоко индивидуальных и интимных символов – вафельное сердце. Так называлась ее первая повесть [Парр, 2008, с. 205], действие которой разворачивается в норвежской деревушке Щепки-Матильды. Повествование ведется от лица рассудительного девятилетнего мальчика Трилле, что дает читателю возможность взглянуть на мир глазами ребенка, в котором самое незначительное происшествие превращается в настоящее Приключение или Событие. Приключения ему гарантирует соседка, одноклассница и лучшая подруга сорвиголова Лена, вдохновляющая его то на то, чтобы провести между их домами канатную дорогу, то засунуть куклу в сжигаемую на Иванов день ведьму, а потом с риском для жизни и одежды спасти ее из горящего костра, то на то, чтобы устроить из катера дяди Тора Ноев ковчег, в результате чего старый козел сжует занавески, а молоденькая телка разобьет стекло каюты. А драматические события преподнесет щедрая на них жизнь.

Главный символ повествования, вафельное сердце (их постоянно печет баба-тетя – старшая сестра деда, ставшая после смерти его жены любимой бабушкой Трулле), – связывающий, цементирует все повествование, тесно связан с другим важнейшим общезначимым символом христианской культуры – Иисусом. Картина с его изображением висит над кроватью бабушки и благодаря ее рассказам ассоциируется у мальчика с надежной защитой. Пожилая женщина умирает, но мальчику в наследство достается ее картина, которую он моментально передаривает лучшей подруге, чтобы та защищала ее, когда Лена с матерью переезжают в город и когда Лена, сбежав оттуда, ночует на хуторе в сарае. А в молитвеннике обнаруживается рецепт, и Трулле, вспоминая любимую бабушку и тщательно следуя ее указаниям, печет вафельные сердца, чтобы щедро поделиться ими с лучшей подругой. Ведь он готов отдать ей все свое сердце, сохранив в нем и любовь к бабушке, чтобы та оставалась жить в его памяти.

Абстрактные символы обретают очень конкретное, предметное значение, а это значение, оставаясь в памяти, придает индивидуальному восприятию символа новый оттенок. Предметность углубляет понимание символа ребенком. Она отвечает его мировосприятию, которое, в свою очередь, углубляется и расширяется благодаря новым оттенкам символов.

Свое сердце распахивает перед читателями и главная героиня другой повести Марии Парр «Тоня Глиммердал» [Парр, 2008, с. 277]. Гроза Глиммердала, девятилетняя девочка с львиной гривой рыжих кудрей, просто терпеть не может любой несправедливости. Она ведет непримиримую войну с владельцем кемпинга Клаусом Хаггеном, который – о ужас! – терпеть не может детей и готов скупить все дома и земли захолустного норвежского хутора, чтобы ничего не мешало его драгоценным отдыхающим наслаждаться шумом сосен и тишиной. В его кемпинг отдыхающим с детьми, разумеется, вход закрыт.

Есть у Тони и лучший друг – ее крестный, 74-летний Гунвальд, напоминающий большого лохматого тролля (тоже символ, тесно связанный со скандинавской мифологией и приобретающий новую окраску). Это добрый тролль, играющий на скрипке и однажды признавшийся Тоне: «Музыка – это мое сердце... Без скрипки я бы сдох и окаменел» [там же, с. 63]. В его жизни произошла трагедия: его жена, скрипачка с мировым именем, Анна

Циммерман оставила ему на воспитание дочь Хейди, чтобы продолжать гастролировать, а когда той исполнилось 12, приехала и забрала ее. С тех пор Гунвальд замкнулся в своем горе, и лишь Гроза Глимердала способна растопить его старое заледеневшее сердце. Только Тоне, с ее детской непосредственностью и органическим неприятием всяческой несправедливости, удастся в конце концов помирить отца с дочерью и заставить их скрипки заиграть дуэтом. И это тоже символично.

Символы Марии Парр обладают редким и ценным качеством – они рождают и смех, и слезы одновременно. Писательница повествует о драматических, зачастую трагических событиях, но выходки ее маленьких темпераментных героинь, никого не оставляя равнодушным, постоянно вызывают приступы хохота. Смех – могучее средство из арсенала педагогики, воспитывающее значительно лучше нудных нотаций.

Уже говорилось о слиянии в символах эстетического с этическим – лишь оставив в восприятии свой след, символ может оказать свое этическое воздействие. Но, как отмечает Умберто Эко, сильнейшее воздействие на нас оказывает и эстетика безобразного¹. Во многих народных сказках безобразное олицетворяет жаба. Именно она и определила важнейшие символы в повести шотландской писательницы Энн Файн «Пучеглазый» [Файн, 2011].

Девочки-подростки Китти Киллин и Хелен Джонстон награждают новых бойфрендов собственных матерей прозвищами Пучеглазый (очевидный атрибут этого земноводного) и Жабьи Ботинки (здесь и комментарии излишни). Очевидный протест против смены привычных устоев, очевидная ревность и обида. Китти, до глубины души возмущенная тем, что мама, которой Джеральд Фолкнер вернул блеск в глазах, перестала делать за ее младшую сестру уроки, не смотрит с дочерьми любимый сериал, уже не с таким пылом борется за ядерное разоружение и даже заставляет помогать по дому, объявляет Пучеглазому персональную войну, в которой нет запрещенного оружия. Можно оставить на видном месте сочинение на тему «Что я ненавижу» [там же, с. 62] (не стоит говорить, кому оно посвящается), можно постоянно вспоми-

---

¹ Итальянскому семиотику удалось показать, что уродливое тоже может быть прекрасным (см.: История уродства / Под ред. У. Эко. – М.: Слово=Slovo, 2007. – 456 с.).

нать бывшего маминого поклонника Саймона [Файн, 2011, 62, с. 64], можно пускать в ход язвительные фразы и прочие мелкие пакости. Но жизнь расставит все по своим местам, и Джеральд станет казаться Китти «умиротворяющим, милым и надежным» [там же, с. 203]. Она поймет, что надо воспринимать людей такими, какие они есть, что ее мама тоже заслужила право на счастье. Препятствие Пучеглазый – он ничуть не изменился – воспринимается другими глазами. Безобразное, не меняясь по сути, совершает этическую трансформацию, перерождаясь в привычное, привлекательное. Это уже не отталкивающая пучеглазость уродливой жабы, а милая пучеглазость лягушонка из мультфильма. Возможно, и в данном случае помогает неизменное чувство юмора?

Не стоит уточнять, какой символ является главным в повести шведского писателя Ульфа Старка «Пусть танцуют белые медведи» [Старк, 2008], неоднократно избиравшейся детскими жюри разных стран лучшей детской книжкой всех времен и народов. Это явствует уже из самого названия. У доводящего учителей до нервного тика хулиганистого подростка Лассе, отнюдь не блещущего на уроках, белый медведь ассоциируется с его немногословным, сильным и надежным отцом. Дело не только в том, что тот работает мясником в царстве «искусственной вечной зимы» [там же, с. 30] и в своем белом халате напоминает стоящего на задних лапах белого медведя с грустными глазами. Он не умеет завязывать галстук, говорить красивых слов и стыдится открыто выражать свои чувства, но очень любит жену и сына. Простой норвежский парень, напоминающий своих предков-викингов и постоянно наигрывающий на губкой гармошке мелодии Элвиса Пресли, «всегда готов подставить грудь, если кому надо поплакаться» [там же, с. 15]. Он не любит сюрпризов и мечтает о покое, как о подарке на Рождество. Но это Рождество обрушит столпы его существования – жена уйдет к дантисту Хилдингу Торстенсону, забрав Лассе с собой. Пускай Торстенсон заботится о подростке, доказывая своему давнему приятелю, директору школы, что из Лассе еще выйдет толк [там же, с. 100], пускай теперь вместо выдавшей виды футболки с Элвисом и потертых джинсов мальчик ходит в костюме, играючи решает контрольные по математике и сдает зачеты, заслужив от дочери дантиста Лолло прозвище «придурочного маленького гения» [там же, с. 145], а очки наконец-то позволяют ему нормально видеть, ему невмоготу слушать истории Торстенсона о

его неблагополучном детстве [Старк, 2008, с. 136]. Он решает вернуться к отцу, потому что не может предать его, потому что хочет остаться таким, какой есть. А каким – в этом ему еще предстоит разобраться [там же, с. 170].

Символы всех этих книг роднит «совершенное совпадение языка и идеи», если выражаться языком Ханса Георга Гадамера [Гадамер, 1988]. Приобретая иконическое свойство [Kordić, 2011, s. 23], они становятся историческим онтологическим событием, подталкивая читателя к взаимодействию, к многостороннему процессу¹ восприятия, сопереживания, осмысления, домысливания, представления, воображения, заставляя его, принимая или отвергая, придавать символу интимные черты, связанные с его личным «я». В них эстетическое (все книги захватывают читателя, пусть даже колючая эстетика переданного Юном Эво мира подростка покажется многим непривычной) переходит в этическое, и эти ценностные нормы, ставя читателя перед нравственным выбором, оказывают на него всесторонне развивающе-воспитывающее воздействие, выполняя задачи древнегреческой пайдеи, высот которой не достигли современные воспитатели, педагоги, школа, университет и государство. Пайдеи как вечного стремления к самосовершенствованию, базирующегося на трех основных ценностях: вере, надежде и любви, которые должны подогреться самим человеческим духом, позволяя душе, по словам Платона, обрести крылья [Горгиев, 2009].

Этот призыв адресован не только и не столько детям, он и для взрослых. Возможно, им тоже стоит еще раз «переварить», переосмыслить данные символы, чтобы самим понять, что нравственное самовоспитание и развитие никогда не заканчиваются, что им, дабы воспитывать своих детей, стоит заглянуть вглубь самих себя, вспомнить свои ощущения и ценности детских времен. Ведь, по образному выражению Мартина Хайдеггера, пути мышления «содержат такое таинственное свойство, что по ним можно идти вперед и назад, так что даже наш путь назад все равно ведет вперед» [Kordić, 2011, s. 9].

---

¹ На эту особенность символа впервые обратил внимание Ю.М. Лотман (см.: Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М.: Прогресс, 1992).

Список литературы

1. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
2. *Горгиев В.* «Paideia» во антиката и денес // Антиката и европската наука и култура: Прилози од научниот собир одржан по повод 60 години Институт за класични студии. – Скопје: Институт за класичне студии, 2009. – С. 119–130.
3. История красоты / Под ред. У. Эко. – М.: Слово=Slovo, 2005. – 440 с.
4. История уродства / Под ред. У. Эко. – М.: Слово=Slovo, 2007. – 456 с.
5. *Лосев А.Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. – М., 1976.
6. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. – М.: Прогресс, 1992. – 149 с.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. / Под ред. С.А. Токарева. – 2-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1987.
8. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / Пер. с итал. В. Резник, А. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2006. – 544 с.
9. *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. – СПб: Симпозиум, 2007. – 502 с.
10. *Гайте К.М.* Красная Шапочка на Манхэттене. – М.: Самокат, 2009. – 216 с.
11. *Гандольфи С.* *Альдабра*. Черепаха, которая любила Шекспира. – М.: Самокат, 2010. – 160 с.
12. *Мурашова Е.* Класс коррекции. – М.: Самокат, 2005. – 191 с.
13. *Парр М.* Вафельное сердце. – М.: Самокат, 2005. – 205 с.
14. *Парр М.* Тоня Глиммердал. – М.: Самокат, 2011. – 277 с.
15. *Файн Э.* Пучеглазый. – М.: Самокат, 2011. – 216 с.
16. *Эво Ю.* Солнце – крутой бог. – М.: Самокат, 2010. – 230 с.
17. *Шутић М.* Адорново схватање појмова «мудрости» и «дубине» // Летопис Матице српске. – Нови Сад, 2012. – Књ. 489, св. 4–5. – С. 603–611.
18. *Kordić R.* *Etika književnosti*. – Beograd: Službeni glasnik, 2011. – 374 s. – (Biblioteka Društvo i nauka. Filozofija).
19. SYMPOSIUM: Contemporary Russian and American Philosophy in Interaction // *Metaphilosophy*. – Oxford, 2013. – Vol. 44, N 1–2. – P. 29–31.

References

1. *Gadamer H.-G.* *Istina i metod. Osnovy filosofskoj germenevтики*. – М.: Progress, 1988. – 704 s.
2. *Gorgiev V.* «Paideia» vo antikata i denes // *Antikata i evropskata nauka i kultura – Prilozi od nauchniot sobir odrzhan po povod 60 godini Institut za klasichni studii*. – Skopje: Institut za klasichne studii, 2009. – S. 119–130.
3. *Istorija krasoty / pod red. U. Jeko*. М.: Slovo=Slovo, 2005. – 440 s.
4. *Istorija urodstva / pod red. U. Jeko*. – М.: Slovo=Slovo, 2007. – 456 s.
5. *Losev A.F.* *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo*. – М., 1976.
6. *Lotman Ju.M.* *Kul'tura i vzryv*. – М.: Progress, 1992. – 149 s.

7. Mify narodov mira. Jenciklopedija v 2 t. / pod red. S.A. Tokareva. – Vtoroe izd. – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1987.
8. *Jeko U.* Otsustvujushhaja struktura. Vvedenie v semiologiju / per. s it. V. Reznik i A. Pogonjajlo. – Spb: Simpozium, 2006. – 544 s.
9. *Jeko U.* Rol' chitatelja. Issledovanija po semiotike teksta / per. s angl. i ital. S. Serebrjanogo. – SPb: Simpozium, 2007. – 502 s.
10. *Gajte K.M.* Krasnaja Shapochka na Manhjettene. – M.: Samokat, 2009. – 216 s.
11. *Gandol'fi S.* *Al'dabra.* Cherepaha, kotoraja ljubila Shekspira. – M.: Samokat, 2010. – 160 s.
12. *Murasheva E.* Klass korrekcii. – M.: Samokat, 2005. – 191 s.
13. *Parr M.* Vafel'noe serdce. – M.: Samokat, 2005. – 205 s.
14. *Parr M.* Tonja Glimmerdal. – M.: Samokat, 2011. – 277 s.
15. *Fajn Je.* Pucheglazyj. – M.: Samokat, 2011. – 216 s.
16. *Jevo Ju.* Solnce – krutoj bog. – M.: Samokat, 2010. – 230 s.
17. *Shutih M.* Adornovo shvataње pojnova «mudrosti» i «dubine» // Letopis Matice srpske. – Novi Sad, 2012. – Књ. 489, sv. 4–5. – S. 603–611.
18. *Kordić R.* Etika književnosti. Beograd: Službeni glasnik, 2011. – 374 s. – (Biblioteka Društvo i nauka. Filozofija).
19. SYMPOSIUM: Contemporary Russian and American Philosophy in Interaction // Metaphilosophy. – Oxford, 2013. – Vol. 44, N 1–2. – P. 29–31.